

Юрий Леонидович Харин

**Шкаф времени
или
Новые приключения Д'Артаньяна**

Пьеса для детей среднего и старшего школьного возраста.

Действующие лица.

Люба. Современная школьница.

Гога. Брат Любы.

Мать Любы и Гоги.

Отец Любы и Гоги.

Дима. Одноклассник Любы.

Дартаньян. Мушкетер Его Величества.

Кардинал Мазарини.

Герцогиня Монпансье.

1-й незнакомец.

2-й незнакомец.

Действие 1.

Обыкновенная комната в обыкновенной современной квартире. Справа дверь в основные помещения квартиры, слева дверь во второстепенное помещение. Посередине комнаты большой шкаф. У стола с компьютером сидит Люба, положив руки на стол, а голову на руки. Она спит.

В правую дверь входит мать Любы и Гоги.

МАТЬ ЛЮБЫ И ГОГИ. Опять всю ночь просидела за компьютером. *(Будит дочь, тормошит ее за плечо.)* Эй, просыпайся! Просыпайся, тебе говорят!

ЛЮБА *(с трудом просыпаясь, потягиваясь и зевая).* Ну что вы за люди такие — поспать человеку не даете!

МАТЬ ЛЮБЫ И ГОГИ. С днем рождения, соня-полуночица! *(Целует Любу.)*

ЛЮБА. Спасибки. Эх, такой сон спугнули! И надо же будить человека в такую рань.

МАТЬ ЛЮБЫ И ГОГИ. Ничего себе рань! Ты на часы лучше посмотри. Как сказал Лермонтов «Уж полдень. Измаил слабеет. Пылает солнце высоко...»

ЛЮБА. И слон никак не похудеет, и просыпаться не легко... *(Встает, потягивается и зевает.)* Ой, как кушать хочца! Пойду-ка я учиться есть левой рукой.

МАТЬ ЛЮБЫ И ГОГИ. Это еще зачем?

ЛЮБА. Чтобы не отрываться от компьютера, когда печатаешь правой. *(Направляется к двери.)* И что у нас, интересно, сегодня на завтрак?

МАТЬ ЛЮБЫ И ГОГИ. Завтрак уже весь съели, а обеда еще нет.

ЛЮБА *(останавливаясь у двери, оборачиваясь к матери, удивленным голосом).* Как это нет?

МАТЬ ЛЮБЫ И ГОГИ. Да вот так. Пока в комнате не приберешься — обеда не будет.

ЛЮБА. На принцип пошла, да?

МАТЬ ЛЮБЫ И ГОГИ. Да, на принцип. Смотри, какой у тебя кавардак везде. Ты тут когда прибиралась в последний раз, а? Небось, в тот день, когда мы сюда въехали?

ЛЮБА. А вот я не въезжаю — почему ты меня все время грузишь.

МАТЬ ЛЮБЫ И ГОГИ. Боже мой, не могу слышать этот ваш жаргон!

ЛЮБА. Не можешь — не слушай.

МАТЬ ЛЮБЫ И ГОГИ *(машет на Любу рукой.)* Ааа, что с тобой разговаривать... Сколько волка не корми...

ЛЮБА. А он всё равно плохо доится, а яиц вообще не несет.

МАТЬ ЛЮБЫ И ГОГИ. Ладно. Предлагаю честную сделку: ты убираешься как следует в комнате, а я что-нибудь приготовлю поесть.

ЛЮБА. А, может, потом как-нибудь уберусь? Завтра, ладно?

МАТЬ ЛЮБЫ И ГОГИ. Ага, завтра. Волшебное слово «завтра». Завтра я уберусь, завтра я буду хорошо себя вести, завтра я начну новую жизнь... А завтра опять будет завтра. И так каждый день. Всё, хватит меня завтраками кормить! Или ты сейчас

же принимаешься за уборку комнаты, или я скажу отцу, и он отключит этот твой проклятый интернет. Надо бы вообще забрать у тебя компьютер. Эта железка тебе скоро всю жизнь заменит.

ЛЮБА. Точно. Особенно когда никакой жизни нет.

МАТЬ ЛЮБЫ И ГОГИ. Вот что — пора с этим со всем кончать. В общем, мы с отцом решили...

ЛЮБА (*с иронией в голосе*). Прелесть какая, они решили!

МАТЬ ЛЮБЫ И ГОГИ. Да, решили. Это будет тебе сюрприз. Тем более у тебя сегодня день рождения.

ЛЮБА. Вот именно! Так что лучше одарите бедную сироту денежкой, а советы я потом послушаю.

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ (*входя в комнату через правую дверь*). И кто же тут у нас бедная сирота?

ЛЮБА. Да кто ж как не я?

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ. Что ж, поздравляю сироту с днем рождения.

ЛЮБА. Благодарствую. А подарки будут?

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ. Для начала дарю стишок. Вот послушай.

Рваные сапожки,

Драная дублёрка,

Воротник из кошки

И джинса-варёнка.

Угадай с трех раз — кто это?

ЛЮБА. Это я, бедная сиротка без модных шмоток.

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ. А, что б ты понимала — это панк. Кстати, судя по твоему виду и прическе — тебе совсем немного до панка осталось.

ЛЮБА. А что? Цепь со своего велосипеда сниму, ошейник у соседской собаки стырю, останется только волосы на голове в зеленый цвет покрасить — и готово.

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ. Прямо Врубель да и только.

ЛЮБА. Что-то не врублюсь что за Врубель такой.

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ. А, темнота ты безпросветная! Художник такой был. Он первый зеленым цветом волосы выкрасил.

МАТЬ ЛЮБЫ И ГОГИ. Зачем это?

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ. Чтобы выделиться из толпы. А теперь целая толпа зеленоголовых кругом. И каждый думает, что выделяется из толпы. Смех да и только! Кстати, были бы умные — выделялись бы тем, что ПОД черепной коробкой, а не НАД ней.

МАТЬ ЛЮБЫ И ГОГИ. Вот именно — если были бы умными. Кстати, Люб, причешись, наконец.

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ. И вправду. А то ходишь с прической «Я упала с самосвала, тормозила головой»?

ЛЮБА. И чем вам моя причесуха не нравится? Самое оно. Называется хипповый хипстер.

МАТЬ ЛЮБЫ И ГОГИ. Вы кем угодно готовы быть, лишь бы не людьми!

ЛЮБА. Люди это которые из семейства гоминид в отряде приматов?

МАТЬ ЛЮБЫ И ГОГИ. Господи, когда уже ты, наконец, повзрослеешь?

ЛЮБА. А я и так уже взрослая.

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ. Взрослая и умная это не одно и то же. Вот гляжу на тебя и диву даюсь: живешь без всякой цели как овощ.

ЛЮБА. Фигасе, без цели. Как это? У меня цель одна — улететь на Луну.

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ. Эх, видели бы нас далекие предки...

ЛЮБА. Ага, предки. Вас послушаешь, так предки наши — все сплошь ангелы небесные, только мы одни — дьяволы. Но как же тогда от ангелов родились дьяволы, а?!

МАТЬ ЛЮБЫ И ГОГИ. И не надоело тебе старшим дерзить, а?

ЛЮБА. А я и младшим тоже могу дерзить.

МАТЬ ЛЮБЫ И ГОГИ. Кто бы сомневался. *(Обращается к мужу.)* Никак не могу ей объяснить, что надо в своей жизни что-то менять. Может, у тебя что-нибудь выйдет?

ЛЮБА. Менять — это запросто. Щас сяду на телевизор и буду пялиться на диван... Прикольно, правда?

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ. Да, я не сомневался, что в интеллектуальном плане вы недалеко ушли от табуретки.

ЛЮБА. Ладно, пап, дуракам жить проще.

МАТЬ ЛЮБЫ И ГОГИ. Всё, не могу больше это слушать! Разбирайтесь без меня! *(Уходит в правую дверь.)*

ЛЮБА. И зачем только родители дают жизнь детям...

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ. Наверное, для того, чтобы потом дети дали жизни родителям. Ну, чего вы никак не уговоритесь с матерью, а? Чего не поделите? То она на тебя жалуется, то ты на нее. Ну что там у вас за очередная битва морских гигантов?

ЛЮБА. Да поцапались как всегда. В общем, ссора прошла без наездов, сухо, стандартно и как-то даже скучно.

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ. А ты бы предпочла, чтобы была кровавая бойня? И вообще учти — нервы трепать друг другу это легче всего, сложнее друг друга понять. А для этого надо уметь сдерживаться. Под горячую руку ничего путного сделать нельзя.

ЛЮБА. Да ладно, пап, не ворчи. Ну, возраст у меня такой сейчас, понимаешь? Переходный называется.

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ. Возраст, возраст. Самый лучший возраст у вас тогда, когда мы уже не водим вас за руку, а вы еще не водите нас за нос. Эх, молодежь, молодежь...

ЛЮБА. А что молодежь-то?

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ. Вот взять поступки ваши. Не видно в них что-то взрослости. Вот что меня беспокоит больше всего. Бездуховные все какие-то стали.

ЛЮБА. Бездуховность — это когда старые духи кончились, а новые еще не куплены?

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ. В остроумии тебе не откажешь. За словом в карман не лезешь. Кстати, мы тут о подарках говорили. Что тебе подарить — один большой подарок или много маленьких?

ЛЮБА. Много маленьких!

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ. Тогда подарю-ка я тебе килограмм семечек.

ЛЮБА. Неее, тогда лучше один большой.

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ. Исчезнуть с матерью на год?

ЛЮБА. Чего это?

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ. А что, это идея: ведь современные дети ждут не когда придет Дед Мороз, а когда уйдут родители. И чем дальше и надольше родители уйдут — тем лучше.

ЛЮБА. Паап...

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ. Ась?

ЛЮБА. У меня ведь сегодня день рождения, да?

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ. Определенно.

ЛЮБА. Эээ... а если я приглашу друзей, то финансовое благосостояние нашей семьи не будет сильно поколеблено?

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ. Это уж как у вас получится. И как она деликатно подъехала к теме финансирования гулянки, а?

ЛЮБА. Ну не могу же я подойти к тебе и сразу в лоб «дай денег, дай денег...».

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ. Так, что б с тебя такого запросить за это...

ЛЮБА. Как насчет пятерки по поведению в школе?

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ. Эко тебе приспичило, чтоб на такое подписаться. *(Достаёт деньги, протягивает дочери.)* Ладно, бедная сирота, вот тебе от щедрот моих.

ЛЮБА *(принимая деньги и бегло на них взглянув).* Ой, папочка, спасибо прерогромные! *(Обнимает отца.)* Целый день век тебя помнить буду.

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ. Неужто хватит?

ЛЮБА. Еще как хватит! Даже с запасом...

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ. Что-то я сомневаюсь. *(Вздыхает.)* Ладно, не буду читать нотаций по поводу того, что надо эти деньги потратить разумно — все равно транжиришь на ерунду. Хотя и жаль, сумма вполне приличная. И как думаешь распорядиться сим сокровищем, если, конечно, не секрет...

ЛЮБА. Ну, как, как... Друзей приглашу.

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ. Импортируешь из Фэйсбука или из Скайпа?

ЛЮБА. Можно и реальных.

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ. Понятно. Зарулите всей кодлой куда-нибудь на танцульки, купите дешевого паленого пойла и станете круче всех. Но учти: если человек козел, то алкоголь не делает его круче. Он делает его пьяным козлом!

ЛЮБА. Ну, ты даешь!

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ. А что, не так будет?

ЛЮБА. Клянусь.

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ. Ну, как же! Клянусь не есть черного хлеба, если можно есть белый и не пить слабого пива, если можно пить крепкое.

ЛЮБА. Пап, а пап?

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ. Что, дитя мое несмышленное?

ЛЮБА. А вот ты как бы попримельнее развлекся, а?

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ. Нашел бы как. Мозги включи. Но только смотри — после всего завтра в школу всё равно придется идти. И никакие отмазки не помогут. «Она зачем-то училась на курсах, довольно редко посещала их, но посещала».

ЛЮБА. Ты че, я школу вообще не прогуливаю. *(В сторону.)* Интересно, откуда он это узнал? Настучали, голубчики! *(Обращается к отцу.)* Пап, а ты про какие курсы-то говорил?

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ. Это Бунин говорил, а не я. Слышала про такого?

ЛЮБА. Ага...

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ. Да куда уж тебе! Вам ведь как проще? Прикинь, типа, вообще, короче, по ходу, конкретно, оки, чмоки, поки... универсальная «смазка» для речи, особенно когда сказать нечего. Я все-таки поражаюсь: вы полчаса можете трепаться друг с другом, а информации нуль. Говоря по-вашему — тупизна, жесткач и полный отстой.

«Видит как-то гражданин,
Что сарай пылает,
Он звонит по 01,
Срочно сообщает:
— Я не знаю как начать,
Но, как говорится,
Я звоню вам, так сказать,
Чтобы поделиться,
В общем, значит, стало быть,
Тут такое дело...
Можно трубку положить,
Всё уже сгорело!»

ЛЮБА. Респект.

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ. Ага, ржунимагу.

ЛЮБА. Сам сочинил?

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ. «Радионяня».

ЛЮБА. А это че такое?

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ. Так, проехали. Даже этого ты не знаешь... Книжки читать не пробовала? Или ниасилила патамушта многа букоф? Даа... Грустное вы, нынешние молодые, представляете зрелище.

ЛЮБА. Ну, конечно. Типа «наша молодежь любит роскошь, она дурно воспитана, она нисколько не уважает стариков. Наши нынешние дети стали тиранами, они перечат своим родителям. Попросту говоря, они очень плохие». Так что ли?

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ. Истинная правда. Готов подписаться здесь под каждым словом. Наконец-то ты сказала что-то умное.

ЛЮБА. Это не я сказала — это Сократ сказал давным давно. Как видишь, родители всегда ворчали на детей. *(С видом победительницы.)* Книжки читать не пробовал, красавчег?

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ. Ну, ёшкин-матрёшкин! Забабахала так забабыхала! *(Направляется к двери, по дороге декламируя стихи.)*

«Люблю я в мире скрип всемирных осей,
Крик коршуна на сумрачном откосе,
Дорог житейских рытвины и гать.
На всем своя — для взора — позолота.
Но мерзок сердцу облик идиота,
И глупости я не могу понять!»

ЛЮБА. Идиотка, разумеется, я.

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ. А это уж от тебя самой зависит. Можешь приглашать своих друзей сюда, а мы с мамой погуляем. Но помни... *(Нарочито грозным голосом.)* Как только часы пробьют двенадцать...

ЛЮБА. Надо будет всем смываться.

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ (*все тем же нарочито грозным голосом*). Карета снова станет тыквой, лошади — мышами...

ЛЮБА. Знаю, знаю. Кучер по ходу станет толстой крысой. Я «Золушку» читала.

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ. Какая начитанная барышня! (*С иронией в голосе.*) Неужто ты и «Колобка» осилила?

ЛЮБА. Представь себе. И даже «Муху-цокотуху».

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ. Аццкий Сотона! (*Уходит, напевая.*) Что-то меня штырит не по детски, тра-ля-ля-ля-ля-ля тра-ля-ля...

ЛЮБА (*доставая и пересчитывая подаренные отцом деньги*). Ладно, бабки есть — ума не надо. Эх, и оттянусь же я по полной! Так, пока суд да дело не худо досмотреть сон. (*Садится за стол, кладет голову на руки, засыпает.*)

В комнату через правую дверь входит Дима.

ДИМА. Привет!

ЛЮБА (*с трудом поднимая голову*). Да не кричи ты! Тебя что, стучать не учили?

ДИМА. Ты что, испугалась?

ЛЮБА. Вот еще! Просто сон был интересный, а ты взял и разбудил. (*Потягивается, зеваает.*) И что вам всем от меня надо? Поспать спокойно не дают. Прикинь: утром проснулась, а из меня перышко вылетело откуда-то! Представляешь?

ДИМА. Представляю.

ЛЮБА. Выходит я — ангел?

ДИМА. Или курица.

ЛЮБА. Злюка ты каких поискать. Я... знаешь... Нет, ничего тебе говорить не буду.

ДИМА. Почему это?

ЛЮБА. Потому что я так решила.

ДИМА. А почему ты так решила?

ЛЮБА. Почему я так решила, я ещё не решила.

ДИМА. Логично. Очень логично.

ЛЮБА. Балбес!

ДИМА. Не спорю. А что? Балбесом быть лучше всего: делай что хочешь, а вот адекватным трудно: везде правила, нужно их соблюдать...

ЛЮБА. Знаешь, а мне новый ноутбук подарили. Красенький!

ДИМА. И какие у него процессор, память, видеокарта?

ЛЮБА. Да говорю же тебе — он красенький!

ДИМА (*вздыхая*). Понятное дело.

ЛЮБА. А я к нему флэшку прикупила. В магазине сказали, что подходит ко всем компьютерам, но к моему почему-то не подошла...

ДИМА. А в чем проблема?

ЛЮБА. В новом компе такой дырочки нету...

ДИМА. А какая у тебя флэшка?

ЛЮБА. Ну... длинненькая такая, а с обеих концов кругленькая.

ДИМА. И красенькая

ЛЮБА. А ты откуда знаешь?

ДИМА. Да потому что у тебя все гаджеты красенькие. Что тут особенно думать-то! Тоже мне загадка с тремя неизвестными.

ЛЮБА. Ах, вот как?! Тогда не стану больше с тобой разговаривать!

ДИМА. Ну и не разговаривай. Подумаешь!

ЛЮБА. Ну, Диим, ну, не злись... Ну, не обижайся... Ну, прости меня, Диим...

ДИМА. Ну, ладно, хорошо, прощаю.

ЛЮБА. Да?!

ДИМА. Да.

ЛЮБА. Вот только не надо делать мне одолжений!

ДИМА. Слушай, кончай ты метаться туда-сюда. Определись как-нибудь, а? Подожди, а ты со своей этой красненькой флэшки крышечку-то сняла?

ЛЮБА. Какую крышечку?

ДИМА. Ну, на флэшке обычно с одной стороны крышечка.

ЛЮБА. Крышечка?..

ДИМА. Чудо ты мое бестолковое...

ЛЮБА (*обрадовано*). Правда, правда я чудо?!

ДИМА. Слово «бестолковое» она, конечно, не заметила.

ЛЮБА. Всё я заметила, между прочим! И не надоело тебе меня подкалывать?

ДИМА. Неа.

ЛЮБА. А мне надоело!

ДИМА. А мне надоели тараканы в твоей голове! Да и вообще во всех головах, которые вокруг меня!

ЛЮБА. А таких что, много что ли?

ДИМА. Не много, но все близко. Взять родителей к примеру. Достали по самое не хочу.

ЛЮБА. Типа «А у тебя уроки сделаны?», «А за что в дневнике тройка по поведению?», «А кто это тебе всё время звонит так поздно?»

ДИМА. Точняк. Эх, сбежать бы куда-нибудь. В лес, например. Стал бы жить-поживать без всех этих «Сядь ровно», «Локти со стола убери» «Не чавкай» и всей прочей фигни.

ЛЮБА. Ну что ж, это, может, и правильно. Только учти — там, в лесу, никакой халявы не будет.

ДИМА. Ну и не надо! Сам себя прокормлю!

ЛЮБА. Ну да, значит, чизбургеры, борщ и котлеты долой, туда же пироги с капустой, блины, а заодно и прикид модный, смартфон, игры в компе и всё прочее тоже.

ДИМА. Почему это?!

ЛЮБА. А потому это! Одно у тебя развлечение там будет — бегать с дубиной за лосями да зайцами. Да и то напрасно.

ДИМА. Отчего же напрасно?

ЛЮБА. Очень просто - у нас у всех бицепсы да трицепсы давным-давно за компом атрофировались. Так что не видать тебе ничего сытного как своих ушей. Корешки придется собирать да кору грызть. Ну, там пару-тройку мухоморов на завтрак.

ДИМА. Почему мухоморов-то?!

ЛЮБА. А ты какие-нибудь съедобные грибы знаешь?

ДИМА. Ну, шампиньоны...

ЛЮБА. А ты их выращивать будешь или так, в природной среде искать?

ДИМА. Конечно, в природной среде.

ЛЮБА. Ну, тогда дам тебе совет: ищи их поближе к унавоженным местам, на лесном перегное, на коре отмерших деревьев да на муравейниках. Правда тебе повезло

— шампиньоны можно есть сырыми, а вот всё остальное придется варить да жарить. Огонь-то умеешь без спичек и зажигалок разводить?

ДИМА. Да ну тебя! Я лучше дома останусь.

ЛЮБА. Что так?

ДИМА. Там все-таки первое, второе и компот обеспечены.

ЛЮБА. Какой ты, все-таки, не романтичный. А я бы и правду отправилась куда-нибудь на край света, прихватив с собой лишь свежий ветер и...

ДИМА. И бутерброды.

ЛЮБА. Бутерброды?

ДИМА. А чего нет? Вполне актуально. Особенно когда есть захочется. Ты ведь в готовке еды, как я понимаю, тоже не очень сечешь?

ЛЮБА. Да что ты все время про еду, да про еду?! Никакой в тебе нет романтики!

ГОГА (*входя в правую дверь*). А вот и я!! Больше на сегодня хороших новостей нет! Я, кажется, что-то пропустил?

ЛЮБА. Да, одну ступень эволюции.

ГОГА. Димка, привет!

ДИМА. Привет, чудило.

ГОГА. Сеструха, сеструха, поздравляю с днюхой!

ЛЮБА. Спасибо брату Гоге за поздравление.

ДИМА (*обращаясь к Любе*). У тебя что, и вправду день рождения?

ЛЮБА. Ага. Всё утро, весь день и даже весь вечер.

ГОГА. А ты чего, не знал?

ДИМА. Да откуда? Слушай, поздравляю. Желаю тебе... (*Задумывается.*)

ГОГА. Банку варенья, корзину печенья, чумового настроения.

ДИМА. Денег побольше в бумажнике кожаном... Меньше по жизни встречать от мороженных.

ГОГА. Вроде меня.

ДИМА. Самокритично.

ГОГА. Критично, прилично, отлично, загранично...

ЛЮБА. Слушай, брательник, а тебя без вести пропасть на пару часов не затруднит?

ГОГА. Там где очень хорошо — нас никто не ждёт. Убежал бы далеко, но ботинок жмет. Что, мешаю амурным делам?

ДИМА. Еще как мешаешь.

ГОГА. Знаешь, тебя от твоей влюбленности лечить надо.

ДИМА. А тебя усыпить давно пора. Есть такие люди, к которым хочется подойти, взглянуть в глаза, обнять за плечи и ласково спросить: «Как же ты живёшь, без мозгов-то?»

ГОГА. Ой, ой, только не надо! Один ты у нас умник, остальные — тупые обезьяны.

ДИМА. Нет, почему же, умных много. Да только тебя среди них нет.

ГОГА. Кстати, вот сейчас мода на рваные джинсы, на рваные майки, интересно, а будет мода на рваные носки?

ДИМА. Ладно, модник. Колись — чего тебе надо.

ГОГА. У тебя случаем денег в долг не найдется?

ДИМА. А ты случаем не забыл, что и так уже должен мне кучу денег?

ГОГА. Нет, не забыл, но дай мне еще немного времени, и я забуду.

ДИМА. Сначала старый долг верни, потом новые долги делай.

ГОГА. Раз бабками я здесь не разживусь, то так уж и быть, посижу тут, помешаю вам часик-другой.

ЛЮБА (*достаёт деньги, подаренные отцом, несколько купюр протягивает брату*). На, возьми...

ГОГА (*принимая деньги*). И погуляй где-нибудь подальше и подольше. Понял, замётано. Ладно, пойду прикид новый прикуплю. Тут неподалеку клевою косуху с трактором видел. Надо прицениться.

ДИМА. Чего ты видел?

ГОГА. Да куртеху байкерскую. С молнией поперек. Трактор потому и называется. Красотища!

ДИМА. Да у тебя никакого мотоцикла вроде и нет.

ГОГА. Пусть все думают, что есть.

ДИМА. А знаете, я, когда в детстве мама застёгивала мне куртку, ужасно боялся, что она обязательно мне подбородок прищемит.

ЛЮБА. А вот я до сих пор боюсь того, кто живет в шкафу.

ГОГА (*собираясь уйти*). Пока, голубки! (*Напевая, направляется к правой двери*.) Я помню страшное мгновенье: передо мной явилась ты... Бойтся она, ха! Бери пример со своего брательника — я вот ничего не боюсь. (*Берется за ручку двери, намереваясь ее открыть*.)

Внезапно в шкафу слышится грохот, звон, из шкафа вырывается вспышка ослепительно яркого света и тут же гаснет.

ГОГА (*оглядываясь назад, в страхе глядя на шкаф*). А, может, и боюсь... Ааа... а что это там так бахнуло и пыхнуло?

ЛЮБА (*торжествующе*). А я что вам говорила?!

ДИМА. Глупости всё это. Это всего лишь шкаф. (*Подходит к шкафу, намеревается открыть дверь*.)

ЛЮБА (*догоняя и преграждая путь Диме*). И не думай даже!

ДИМА. Слушай, брось! Я уже давно не боюсь барабашек и того, кто живёт в шкафу. Тоже мне «Хроники Нарнии»!

Д'АРТАНЬЯН (*из шкафа*). Эй?!

ДИМА. Та-ак. Это уже слишком! (*Открывает дверь шкафа, тут же закрывает ее, испуганно*.) Т-т-там!

ЛЮБА. Что там?!

ДИМА. А черт его знает! Мужик какой-то. И одет так странно.

ГОГА. Какой мужик?! Ты что — глюки ловишь?

ДИМА (*пятаясь от шкафа*). А ты сам посмотри, если такой храбрый.

ГОГА. Вот еще! (*Собирается уйти*.) Не, фтопку такие приколы!

ЛЮБА. Прекрати ныть!

ГОГА. Я не ною... Я просто за курточкой хотел пойти.

ЛЮБА. Ну и вали, никто тебя не держит.

ДИМА. Вот уж, правда, ты всегда был маменькиным сынком. Только с виду такой крутой. Одни понты, ничего больше.

Д'АРТАНЬЯН (*из шкафа*). Вы кто такие?

ДИМА. А... а вы кто?

Из шкафа раздаются какие-то непонятные звуки.

ЛЮБА. Ой, мамочка! Мамочка родная!!

В правую дверь входит мать Любы и Гоги.

МАТЬ ЛЮБЫ И ГОГИ. Что за шум, а драки нет?

ЛЮБА (*указывая на шкаф*). Таам, тааам...

МАТЬ ЛЮБЫ И ГОГИ. Что там?

ГОГА. Черт-те что!

ДИМА. И с боку бантик.

МАТЬ ЛЮБЫ И ГОГИ (*иронично*). Да неужели? И что же там? (*Открывает дверь шкафа, смотрит внутрь, медленно закрывает дверь.*) Ну и делаааа...

ЛЮБА. Ну, что там, что?

МАТЬ ЛЮБЫ И ГОГИ. По-моему, там мушкетер. Во всяком случае, очень похож.

ГОГА (*иронично*). Ну, да, шляпа с пером, ботфорты, шпага и всё такое.

МАТЬ ЛЮБЫ И ГОГИ. Точно.

ЛЮБА. Mam, ты че, прикалываешься, да?

МАТЬ ЛЮБЫ И ГОГИ. Ничего я не прикалываюсь. В шкафу правда мушкетер.

В шкафу слышится какой-то шум. Затем все стихает.

Из шкафа выходит Д'Артаньян в мушкетерском одеянии, наставляет на присутствующих шпагу.

Д'АРТАНЬЯН. Всем отойти от двери! С дороги! Прочь от двери, ведьмины дети!

Все в оцепенение не двигаются с места.

Д'АРТАНЬЯН. Вы, трусливые создания! Вы поняли мои слова?! И нечего делать удивленный безвинный вид!

ДИМА. В-в-вы к-к-к-то такой?

Д'АРТАНЬЯН. Если я тебе скажу, несчастный, мне придется тебя убить!

ГОГА. Приплыли.

Д'АРТАНЬЯН. Но если вы все будете вести себя смирно, я никого не трону.

МАТЬ ЛЮБЫ И ГОГИ. Но, как вы очутились в шкафу? Еще утром, когда я там прибирала, вас внутри не было!

Д'АРТАНЬЯН. Так вы, мадам, серьезно считаете, что меня нет? Я желаю знать ответ на свой вопрос. Почему вы молчите? Я приказываю вам говорить.

МАТЬ ЛЮБЫ И ГОГИ. В-в-вы... есть, разумеется, вы есть. Но...

Д'АРТАНЬЯН. Никаких но!

МАТЬ ЛЮБЫ И ГОГИ. Простите, ваша светлость, мы не знаем, как к вам обращаться. Вы барон, маркиз или граф? А, может, вы герцог?

Д'АРТАНЬЯН. О нет, нет, милейшая! Я не граф и уж тем более не герцог. Я обыкновенный дворянин и служу Его Величеству королю и Его Высокопреосвященству кардиналу.

ЛЮБА. Ну, да, кардиналу Ришелье.

Д'АРТАНЬЯН. Что ты! Он давно умер. Я имею в виду Его Высокопреосвященство кардинала Мазарини.

МАТЬ ЛЮБЫ И ГОГИ. И судя по вашему виду — вы без всяких сомнений мушкетер.

Д'АРТАНЬЯН. Хорошо, коли так, я признаюсь вам — да, я мушкетер. Этот ответ вам небольшим авансом, чтобы вы не считали меня шарлатаном.

МАТЬ ЛЮБЫ И ГОГИ. Но где же ваш мушкет в таком случае?

Д'АРТАНЬЯН. Вы себе не представляете, мадам, какой дрянной порох поставляет королевский арсенал! Несколько выстрелов, и дуло мушкета зарастает такой гарью, что туда не только заряд пороха, но и пулю не пропихнешь. Поэтому в мушкете нет никакой надобности в таких делах. Впрочем, я вижу, что вы мне не верите. Это меня обижает, черт возьми! Я не обманщик и ничем не заслужил, чтобы меня позорили недоверием!

МАТЬ ЛЮБЫ И ГОГИ. Боже меня упаси!

Д'АРТАНЬЯН. То-то же!

МАТЬ ЛЮБЫ И ГОГИ. Не извольте сердиться, господин мушкетер, просто мы... я... мы... Нет, я не могу в это поверить.

Д'АРТАНЬЯН. Но все-таки придется!

ГОГА. Тут без вариантов.

Д'АРТАНЬЯН. Впрочем, если вы не враги Его Величества и Его Высокопреосвященства, то я не причиню вам никакого вреда. Кстати, а какое сегодня число?

МАТЬ ЛЮБЫ И ГОГИ. Так... это... пятое...

Д'АРТАНЬЯН. Ага, ага... А день недели какой?

МАТЬ ЛЮБЫ И ГОГИ. Пятница...

Д'АРТАНЬЯН. А...

ЛЮБА. Июль, две тысячи четырнадцатый год...

ДИМА. Планета Земля, ноль двенадцать в тентуре, налево от Большой Медведицы...

Д'АРТАНЬЯН. Разрази меня гром! Ладно, необходимо взять себя в руки и покориться божьей воле. Прошу освободить мне дорогу к двери.

Все послушно отходят от правой двери. Д'Артаньян быстрыми шагами уходит через нее из комнаты.

ГОГА. Черт, что же нам теперь делать-то, а?

ЛЮБА. Послушай, если ты не успокоишься, у нас будут большие проблемы.

ГОГА. Ага, а сейчас у нас проблем походу нет?

Д'АРТАНЬЯН *(вбегают в комнату через правую дверь).* Говорящая голова в ящике! Нечистая сила! *(Скрывается в шкаф, закрыв за собой дверь).*

Внутри шкафа слышен какой-то шум.

МАТЬ ЛЮБЫ И ГОГИ. Это он, наверное, телевизор увидел. Слууушайте, я, кажется, поняла в чем дело! Это наш папа!

ЛЮБА. В смысле?

МАТЬ ЛЮБЫ И ГОГИ. Он давно говорил мне, что хочет сделать сюрприз к твоему дню рождения.

ГОГА. Точняк! Надел мушкетерскую форму и дурачит нас.

ДИМА. Выходит, что так.

ЛЮБА. Да уж, сюрприз так сюрприз!

ГОГА. Прикольно!

МАТЬ ЛЮБЫ И ГОГИ. Ну и фантазер!

ЛЮБА. А мне кажется, что это ерунда на постном масле. Там в шкафу настоящий мушкетер.

ГОГА. Спорим, что там батяня.

ЛЮБА. Спорим, что нет.

ГОГА. На что спорим?

ЛЮБА (*протягивает Гоге руку*). На тыщу рублей.

ГОГА (*протягивает руку Любе и пожимает ее протянутую руку*). На пять тыщ.

ЛЮБА. Идет.

ГОГА (*обращается к Диме*). Разбей-ка нас.

Дима разбивает их.

Из шкафа выходит Д'Артаньян.

ЛЮБА. Видал! Гони пятерку.

Из правой двери в комнату входит отец Любы и Гоги, замирает в изумлении в дверном проеме.

ГОГА. Опаньки!

ЛЮБА. Вот те на!

ДИМА. Ну и делааа...

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ (*показывая на Д'Артаньяна*). Кто это?

МАТЬ ЛЮБЫ И ГОГИ. Как видишь — мушкетер.

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ. Бред какой-то! Какой еще мушкетер в наше время?

Д'АРТАНЬЯН (*выхватывая шпагу и обращаясь к отцу Любы и Гоги*). Защищайтесь, сударь! Я намерен на вас напасть!

МАТЬ ЛЮБЫ И ГОГИ. О, боже!

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ. За что же это вы намерены на меня напасть?!

Д'АРТАНЬЯН. Вы здесь единственный взрослый мужчина. Не на женщину же и детей мне нападать.

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ. Совершенно не понимаю причину вашей агрессии.

Д'АРТАНЬЯН. И понимать нечего! Вы встали у меня на пути!

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ. Вы можете следовать, куда вам будет угодно, вам никто не будет препятствовать. (*Отходит от двери.*) Пожалуйста, путь свободен.

Д'АРТАНЬЯН. Еще бы! Любому, кто помешает мне выполнить возложенную на меня миссию, не поздоровится!

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ. Миссию?

Д'АРТАНЬЯН. Да, и весьма секретную.

ЛЮБА. Типа «Миссия невыполнима»?

Д'АРТАНЬЯН. Почему это невыполнима? Я выполню ее, чего бы мне это не стоило, даже если сам дьявол встанет у меня на пути!

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ. Повторяю — никто не собирается вставать на вашем пути.

ГОГА. Уж я, по крайней мере, точно.

ДИМА. И я не собираюсь.

ЛЮБА. И я.

МАТЬ ЛЮБЫ И ГОГИ. И я тоже.

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ. Как видите, мы все готовы вам помочь.

Д'АРТАНЬЯН. Что ж, раз вы так смиренны и благоразумны, я, пожалуй, не стану ни с кем драться. *(Убирает шпагу в ножны.)*

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ. Но позвольте спросить — с кем мы, все-таки, имеем дело?

Д'АРТАНЬЯН. Хорошо, я назову себя. *(С гордым видом.)* Я Шарль Ожье де Бац де Капельмор.

ГОГА. Нуу.... Вот всё и прояснилось. Осталось только узнать — кто этот Бац-барабац такой.

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ. Мать честная, так вы никак Д'Артаньян!

ЛЮБА. Д'Артаньян?..

МАТЬ ЛЮБЫ И ГОГИ. Что, и вправду?

ДИМА. Да ладно!

ГОГА. Да он наверняка гонит.

Д'АРТАНЬЯН *(грозно).* Что гонит и кого гонит, дерзкий сын женщины?! Ты что же, осмелился быть со мной неучитивым?!

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ. Не сердитесь, сударь, это он по глупости. Согласитесь, не каждый день достаиваешься чести повстречать самого Д'Артаньяна.

Д'АРТАНЬЯН. Да уж, это и впрямь большая удача для вас, незнакомцы.

ЛЮБА. Так значит вы...

Д'АРТАНЬЯН. Я?..

ЛЮБА. Так это вы доставляли подвески от герцога Бекингема?

Д'АРТАНЬЯН. Да полноте! Герцог Бекингом давно умер.

ЛЮБА. Как умер?

Д'АРТАНЬЯН. Да так. Погиб от кинжала убийцы. И про подвески я решительно ничего не знаю. А про какие подвески вы говорите?

ЛЮБА. Ну, которые королева...

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ *(прикладывает указательный палец к губам).* Тсс!

Д'АРТАНЬЯН. Королева?! Что королева?!

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ. Ничего, ничего, господин мушкетер, это она так, вообще.

Д'АРТАНЬЯН. То-то же!

МАТЬ ЛЮБЫ И ГОГИ. Выходит, Дюма всё наврал?

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ. Ну... или придумал.

Д'АРТАНЬЯН. Дюма? Какой еще Дюма?

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ. Да так, это потом который.

ГОГА (*обходя Д'Артаньяна со всех сторон и внимательно его разглядывая*). Не-слабо... обалденно... просто зашибись...

Д'АРТАНЬЯН. Что ты меня рассматриваешь как покупатель корову?

ГОГА. Выходит, вы и вправду Д'Артаньян?..

Д'АРТАНЬЯН. А я что, давал повод в этом усомниться?

ГОГА. А че, и шпага у вас настоящая?

Д'АРТАНЬЯН (*снова выхватывая шпагу из ножен*). Сейчас ты сможешь в этом убедиться, несносный отрок!

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ. Ради всего святого, простите глупого малого за его дерзость!

ГОГА. Ага, глупый. Не глупее остальных.

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ. Лично я нисколько не сомневаюсь, что вы — знамени-тый мушкетер Д'Артаньян.

Д'АРТАНЬЯН. Какие тут могут быть сомнения? (*Убирает шпагу в ножны*.) Увы, наша мушкетёрская рота расформирована, поэтому я сейчас... впрочем, этого вам знать не нужно.

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ. Ну, как же, как же? Сейчас вы личный курьер кардинала Мазарини...

Д'АРТАНЬЯН. А вы кто такой чтобы знать такие вещи?!

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ. Учитель. Поэтому науки и всяческие премудрости мне как раз и положено знать. Иначе какой же я учитель.

Д'АРТАНЬЯН. Что ж, это справедливо. А все остальные это кто? Ваше семейство?

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ. Это моя супруга, это наш сын, это друг нашей дочери, а это она сама. У нее как раз сегодня день рождения.

Д'АРТАНЬЯН. Поздравляю, мадемуазель.

ЛЮБА. Мерси.

Д'АРТАНЬЯН. И что же вы делаете тут все вместе? Ааа, понимаю, понимаю. Собрались, чтобы отпраздновать это событие.

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ. Некоторым образом.

Д'АРТАНЬЯН. А я, если так можно выразиться, вторгся на ваш семейный праздник незванным гостем.

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ. Ничего, ничего, назовем это сюрпризом.

ЛЮБА. Да уж, сюрприз так сюрприз.

Д'АРТАНЬЯН (*оглядываясь*). А это ваше жилище?

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ. Да.

Д'АРТАНЬЯН. Его не назовешь роскошным.

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ. Увы.

Д'АРТАНЬЯН. Впрочем, учительское жалование...

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ. Да уж, не мушкетерское.

Д'АРТАНЬЯН. Ха-ха-ха! Насмешили, так насмешили!

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ. Значит, вы сопровождаете опального кардинала в его скитаниях по провинциям?

Д'АРТАНЬЯН. И это ты знаешь! Видать, от тебя ничего не скроешь.

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ. Ну, как же. Фронда и всё такое.

Д'АРТАНЬЯН. Вот именно! Впрочем, если всё обойдется, мне обещано место лейтенанта в гвардейском полку, в роте Витремона.

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ. Кому как не вам оно должно достаться?

Д'АРТАНЬЯН. Ладно, ладно, не лести. Я его заслужил по праву. Ведь именно я сумел где бранью, где уговорами проложить дорогу через ряды восставших и вывезти из Лувра кардинала и юного короля с матерью. Именно я, презирая опасность, скакал из Брюля в Париж и из Парижа в Брюль. Если бы вы знали, какая требовалась изворотливость, чтобы получать в надежных местах свежих лошадей, обходить вооруженные отряды, убегать от патрулей, порой мне приходилось скакать без всякой дороги...

ДИМА. А как поживают ваши друзья-мушкетеры?

Д'АРТАНЬЯН. Я оставил их в добром здравии и надеюсь, что они и продолжают в оном пребывать.

ГОГА. Ну, да, типа один за всех и все за одного.

Д'АРТАНЬЯН. Что-то в этом роде. Никогда и никто из нас не оставлял друзей в беде. Наш девиз «Шпага — королю, честь — никому!»

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ. Превосходный девиз.

Д'АРТАНЬЯН. Не стану отрицать. Что ж, мы оба впали в заблуждение: я принял тебя, добрый самаритянин, за орудие злых сил, теперь вижу, что и ты совершил ту же ошибку... Однако ты смельчак. Поэтому мы вполне могли бы быть друзьями. Шпагой владеешь хорошо?

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ. Увы.

Д'АРТАНЬЯН. Весьма жаль! Ты, я вижу, мог бы быть мне полезен.

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ. Может быть, я могу быть вам полезен чем-то еще кроме шпаги?

Д'АРТАНЬЯН. Может быть, может быть...

В шкафу внезапно раздается какой-то шум, из него выскакивают двое неизвестных, одетых в одежду 17 века, в плащах и со шпагами.

1-й НЕИЗВЕСТНЫЙ (выхватывая шпагу). Вот он где!

2-й НЕИЗВЕСТНЫЙ (также выхватывая шпагу). Защищайтесь, сударь!

Д'АРТАНЬЯН (выхватывая шпагу и кинжал). Отступаем! (Поворачивается спиной к правой двери и лицом к незнакомцам, обращается к остальным.) Бегите, я их задержу!

ГОГА. Валим отсюда!

ЛЮБА. Бежимбежимбежимбежиинииим!

Все кроме Д'Артаньяна и неизвестных впопыхах покидают комнату через правую дверь. Д'Артаньян со шпагой в одной руке и с кинжалом в другой, наставленных в сторону неизвестных, медленно отступает к правой двери, едва коснувшись ее спиной, он резко поворачивается, рывком открывает ее и выбегает наружу.

1-й НЕИЗВЕСТНЫЙ. За ним!

2-й НЕИЗВЕСТНЫЙ. Быстрее, быстрее!

1-й НЕИЗВЕСТНЫЙ. Ничего, на этот раз он от нас не уйдет!

Оба неизвестных выбегают из комнаты через правую дверь.

Конец 1 действия.

Действие 2.

Та же комната. Из шкафа появляется кардинал Мазарини.

КАРДИНАЛ МАЗАРИНИ. Где же Д'Артаньян? Сдается мне, что с ним приключилась какая-то беда. Он раньше никогда не опаздывал на встречу.

Д'АРТАНЬЯН (*входя в комнату через правую дверь*). Ваше Высокопреосвященство, простите, что заставил вас ждать.

КАРДИНАЛ МАЗАРИНИ. Ах, мой друг! Я уже считал вас мертвым...

Д'АРТАНЬЯН. По счастью я жив.

КАРДИНАЛ МАЗАРИНИ. Я вижу, что ваша шляпа украшена белым.

Д'АРТАНЬЯН. Что ж тут удивительного? Это цвет короля!

КАРДИНАЛ МАЗАРИНИ. Но он опасен там, где пока еще царствует желтый цвет. Так что лучше украшайте свою шляпу желтым цветом.

Д'АРТАНЬЯН. Но желтый цвет — символ мятежа!

КАРДИНАЛ МАЗАРИНИ. Тем не менее, надо быть осторожнее.

Д'АРТАНЬЯН. Вы предлагаете мне маскироваться под врагов короля? Быть может, мне еще и присоединиться к принцу Конде?

КАРДИНАЛ МАЗАРИНИ. Да, принц Конде... Признаюсь, иногда я думаю, что не следовало арестовывать принца и всех остальных. В свое время это вызвало лишь всеобщее возмущение.

Д'АРТАНЬЯН. Но они хотели поднять мятеж!

КАРДИНАЛ МАЗАРИНИ. Принц самолюбив и горд. Но он еще и хороший воjak. Так что лучше было бы сделать из него союзника, а не врага. К счастью для нас гордая мятущаяся душа принца, душа обиженного вассала своего короля, возможно, понимает, что такое воинская доблесть, но вряд ли понимает, что такое государственные интересы.

Д'АРТАНЬЯН. Вы хотите сказать, что воинская доблесть нынче не в цене?

КАРДИНАЛ МАЗАРИНИ. Милый Д'Артаньян, не горячитесь. В цене и еще в какой цене! Кроме вас я знаю не так уж много людей, на которых мог бы положиться в эти трудные для Франции дни всеобщей смуты. Но подождите, пройдет не так уж много времени, как мы окончательно завоюем Париж.

Д'АРТАНЬЯН. Понимаю: иногда надо отступить, чтобы собрать силы и наступать снова.

КАРДИНАЛ МАЗАРИНИ. Именно так. Признаюсь, я уехал в изгнание с тяжелым сердцем и только потому, чтобы показать уступчивость правительства.

Д'АРТАНЬЯН. Это было весьма мудро с вашей стороны: почти все союзники принца Конде покинули его, хотя он еще и брыкается.

КАРДИНАЛ МАЗАРИНИ. Да, жаль, что мы рассорились с ним, весьма жаль. Я бы предпочел Конде-подданного Конде-соседу,

Д'АРТАНЬЯН. Что вы имеете в виду?

КАРДИНАЛ МАЗАРИНИ. Я имею в виду связь принца Конде с испанцами. Это нельзя расценить никак иначе как предательство. Если он вступит с ними в сговор, у нас будет много лишних проблем.

Д'АРТАНЬЯН. И беспорядки могут вспыхнуть с новой силой.

КАРДИНАЛ МАЗАРИНИ. Что ж, беспорядки иногда полезны, ибо когда они возникают, это неизбежно ведет к укреплению власти, так как люди сразу понимают, что порядок лучше беспорядка. Так что давайте спокойно потерпим временные невзгоды: терпение для любого политика – неперемное условие успешной деятельности. Я, Первый министр Франции, Его Преосвященство кардинал Джулио Мазарини, вынужден смотреть дальше сегодняшнего дня и предвидеть всё, что может произойти во французском королевстве. Однако где бы нам поговорить, чтобы рядом не было чужих ушей. *(Оглядывается.)* Эти стены не кажутся мне надежной защитой от любопытных.

Д'АРТАНЬЯН. К сожалению, других у нас нет.

КАРДИНАЛ МАЗАРИНИ. Это правда.

Д'АРТАНЬЯН *(показывает на левую дверь).* Пройдемте сюда,...

КАРДИНАЛ МАЗАРИНИ. Пожалуй.

Кардинал Мазарини и Д'Артаньян уходят в левую дверь.

ЛЮБА *(входя в правую дверь).* Никого.

Из шкафа выходит герцогиня Монпансье.

ЛЮБА. Новая история, здравствуйте!

ГЕРЦОГИНЯ МОНПАНСЬЕ. Здравствуй, прелестное дитя.

ЛЮБА. Интересно, а вы-то кто такая?

ГЕРЦОГИНЯ МОНПАНСЬЕ. Это неучтиво с твоей стороны так со мной разговаривать. Я вижу, ты дурно воспитана.

ЛЮБА. Ну, уж как воспитана, так и воспитана.

ГЕРЦОГИНЯ МОНПАНСЬЕ. Стоит ли напрашиваться на неприятности, погрешив против вежливости и правил хорошего тона?!

ЛЮБА. Это у меня будут неприятности?! Как же! Это у вас будут неприятности, если вы не расскажите — кто вы и зачем сюда явились. Хотя бьюсь об заклад, вы сейчас наверняка станете мне доказывать, что тут совершенно случайно, типа я так, прогуляться вышла и заблудилась...

ГЕРЦОГИНЯ МОНПАНСЬЕ. Сказать по правде, милочка, я вообще не должна здесь находиться. И все-таки я здесь.

ЛЮБА. Интересно, а кто вы такая?

ГЕРЦОГИНЯ МОНПАНСЬЕ. Да угодно ли будет тебе узнать, дерзкая негодница, что перед тобой... Впрочем, я желаю соблюсти самое строгое, самое точное инкогнито.

ЛЮБА. Тогда, до свидания. Сами выпутывайтесь. *(Собирается уйти.)*

ГЕРЦОГИНЯ МОНПАНСЬЕ. Хорошо, я тебе откроюсь. Я Анна Мария Луиза Орлеанская, герцогиня Монпансье.

ЛЮБА. Зашибись! Вас только нам и не хватало!

ГЕРЦОГИНЯ МОНПАНСЬЕ. Что за речи, соблаговоли разговаривать со мной пристойным образом!

ЛЮБА. А если нет, то что будет?

ГЕРЦОГИНЯ МОНПАНСЬЕ. Нууу... я не знаю... но я сильно подозреваю, что эта сцена подстроена нарочно, чтобы оскорбить меня.

ЛЮБА. Ага, больше мне делать нечего! Значит, вы не хотите мне сказать — за чем сюда пожаловали?

ГЕРЦОГИНЯ МОНПАНСЬЕ. Господи, как я могу открыться первой встречной девчонке?!

ЛЮБА. Хорошо, тогда я пошла. У меня и без вас дел полно. *(Намеревается уйти.)*

ГЕРЦОГИНЯ МОНПАНСЬЕ. Стой, вернись!

ЛЮБА *(останавливается).* Стою и дальше что?

ГЕРЦОГИНЯ МОНПАНСЬЕ *(в смятении).* Не знаю, что и делать!

ЛЮБА. Что делать, что делать... Взять и честно мне всё рассказать.

ГЕРЦОГИНЯ МОНПАНСЬЕ. Наверное, ты права. Впрочем, другого выхода у меня всё равно нет. Хорошо, я скажу тебе, почему я здесь. Я ищу кардинала Мазарини или кого-нибудь из его окружения. Ты что-нибудь о них знаешь?

ЛЮБА. Положим, знаю, ну и что из того?

ГЕРЦОГИНЯ МОНПАНСЬЕ. Тогда немедленно говори — где я могу их найти!

ЛЮБА. Ага, шаз, разбежалась! Спешу и падаю рассказывать!

ГЕРЦОГИНЯ МОНПАНСЬЕ. Ты что, не понимаешь, что меня ждет виселица?!

ЛЮБА. Как это?

ГЕРЦОГИНЯ МОНПАНСЬЕ. А так! Меня обвиняют в измене королевской короне.

ЛЮБА. Вот те на!

ГЕРЦОГИНЯ МОНПАНСЬЕ. Именно! Они считают меня преступницей и заговорщицей, а я всего-то женщина, которая мечтает о любви. О взаимной любви, понимаешь?! Ради нее я всё и натворила.

ЛЮБА *(вздыхает).* Понимаю, как тут не понять. Наверное, это здорово когда говоришь кому-то: «Я без тебя жить не могу». А тебе в ответ «А я без тебя тоже жить не могу».

ГЕРЦОГИНЯ МОНПАНСЬЕ. Да, да именно так! Поэтому ты должна мне помочь найти их. Умоляю тебя: скажи, где они.

Люба молчит.

Милостивый, благодетельный Боже, внимли мольбе моей!

ЛЮБА. Да вы не переживайте — как-нибудь образуется.

ГЕРЦОГИНЯ МОНПАНСЬЕ *(вздыхает).* Видно и впрямь не переживу. Ну что ж, на виселицу так на виселицу... Бедная я и несчастная! Так и помру, не узнав — что такое настоящая любовь!

ЛЮБА. Ну, что мне с вами делать?!

ГЕРЦОГИНЯ МОНПАНСЬЕ. Помоги мне, умоляю, как только женщина может умолять женщину!

ЛЮБА. Ну, ладно, чем черт не шутит.

ГЕРЦОГИНЯ МОНПАНСЬЕ. Вот видишь, я же знала, я же знала, что ты добрая!

ЛЮБА. Хорошо, пойдемте со мной. Вот сюда. Только чур — я первая. *(Открывает правую дверь, заглядывает внутрь.)* Вроде никого. Ну, ладно, пойдемте дальше искать. *(Делает пригласительный жест рукой.)*

Люба и герцогиня Монпансье уходят в правую дверь.

Из левой двери выходят кардинал Мазарини и Д'Артаньян.

КАРДИНАЛ МАЗАРИНИ. Странно, никого нет. А мне послышались какие-то голоса. *(Осторожно подходит к правой двери, в которую ушли Люба и герцогиня Монпансье, открывает ее, смотрит внутрь помещения.)* Никого. Впрочем, это к лучшему — некому будет подслушивать. Итак, вы говорите, что принц Конде скрылся?

Д'АРТАНЬЯН. Да, и поговаривают, что сейчас он у своих сподвижников где-то в Париже.

КАРДИНАЛ МАЗАРИНИ. Прискорбно, весьма прискорбно. Как же так получилось, что ему удалось ускользнуть?

Д'АРТАНЬЯН. Принц получил внезапную поддержку от герцогини Монпансье.

КАРДИНАЛ МАЗАРИНИ. Вот как?! Это неугомонная дама и здесь сунула в чужие дела свой прелестный нос?

Д'АРТАНЬЯН. Вот именно! Она поехала к Бастилии и приказала стрелять из пушек по королевской армии. Когда принцу Конде грозило, казалось бы, неминуемое поражение, внезапно заговорили пушки Бастилии... Целый град ядер обрушился на королевскую армию. Началось смятение, которым воспользовался принц, чтобы исчезнуть.

КАРДИНАЛ МАЗАРИНИ. Дааа.. Герцогиня Монпансье... Что ж, она и раньше проявляла необыкновенную смелость. Насколько я знаю, пребывая в стане повстанцев, наша герцогиня влюбилась в принца Конде. Вот почему она и пришла ему на помощь. Впрочем, думаю, что время врагов короля, а значит и наших врагов, упущено. Ни принц Конде, ни герцогиня Монпансье, ни все остальные уже не в силах помешать королю воцариться на троне.

Д'АРТАНЬЯН. Да здравствует король! Да здравствует Франция!

КАРДИНАЛ МАЗАРИНИ. И да здравствуют те, кто готовы отдать за них жизнь.

В правую дверь входят Люба и герцогиня Монпансье. При виде их кардинал чуть отступает назад, а Д'Артаньян выхватывает шпагу, защищая кардинала.

КАРДИНАЛ МАЗАРИНИ. Герцогиня?! Вы здесь?! Каким образом?

ГЕРЦОГИНЯ МОНПАНСЬЕ. Ах, Ваше Высокопреосвященство, тем же, что и вы!

КАРДИНАЛ МАЗАРИНИ. Но как вы догадались, что я тут?

ГЕРЦОГИНЯ МОНПАНСЬЕ. Сердце подсказало мне — как вас найти.

КАРДИНАЛ МАЗАРИНИ. И зачем же я вам нужен, сударыня?

ЛЮБА. Она боится, что вы ее повесите.

КАРДИНАЛ МАЗАРИНИ. А это еще кто?

Д'АРТАНЬЯН. Это дочка хозяина этого дома.

КАРДИНАЛ МАЗАРИНИ. А откуда, дитя мое, ты знаешь о наших делах?

ЛЮБА (*кивая в сторону герцогини*). Это она мне рассказала.

КАРДИНАЛ МАЗАРИНИ. И вы доверили свою жизнь этой несмышленной девчонке?

ГЕРЦОГИНЯ МОНПАНСЬЕ. Как доверяю ее вам.

КАРДИНАЛ МАЗАРИНИ. Весьма опрометчиво.

ГЕРЦОГИНЯ МОНПАНСЬЕ. Мне ничего другого не остается, как рисковать жизнью ради риска для жизни.

КАРДИНАЛ МАЗАРИНИ. Забавный каламбур. Впрочем, в уме вам никак не откажешь. Так чем же я могу быть вам полезен?

ЛЮБА. Она хочет, чтобы вы ее простили.

КАРДИНАЛ МАЗАРИНИ. Неужели, герцогиня, вам есть что сказать в свое оправдание?

ГЕРЦОГИНЯ МОНПАНСЬЕ. Я ошибалась, позволив рассудку опрометчиво последовать за сердцем. И готова сполна расплатиться за пылкость своего сердца.

КАРДИНАЛ МАЗАРИНИ. Что ж, я вижу, что вы способны признать свои ошибки, коль скоро вам пришла охота их допустить. Это похвально. Но как я могу вам верить после всего, что вы сотворили?

ГЕРЦОГИНЯ МОНПАНСЬЕ. Я готова поклясться вам чем угодно, что подобное больше не повторится!

КАРДИНАЛ МАЗАРИНИ. Что ж, нет у мужчин оружия против женской слабости. (*Обращается к Д'Артаньяну.*) Распорядитесь, если это вас не затруднит, принести сюда чистой бумаги, а также перо и чернила.

Д'Артаньян в некоторой растерянности оглядывается вокруг.

ЛЮБА. Я сейчас! (*Убегает из комнаты в правую дверь.*)

КАРДИНАЛ МАЗАРИНИ. Думается мне, милосердие должно быть сильнее ненависти. По счастью оно не даст мне наказать вас сверх меры. Но знайте: если вы нарушите свою клятву, то обретете в моем лице смертельного врага.

ГЕРЦОГИНЯ МОНПАНСЬЕ. Мне не надо врагов — мне хватает самой себя.

ЛЮБА (*возвращаясь с бумагой и авторучкой*). Вот, пожалуйста.

КАРДИНАЛ МАЗАРИНИ (*принимая от Любы письменные принадлежности и разглядывая авторучку*). Какое странное перо. Да и бумага без герба.

ЛЮБА. Уж какие есть.

КАРДИНАЛ МАЗАРИНИ (*протягивая письменные принадлежности герцогине*). Пишите обязательство не предпринимать по отношению ко мне и короне никаких действий.

Герцогиня Монпансье берет письменные принадлежности, садится за стол и принимается быстро писать.

КАРДИНАЛ МАЗАРИНИ (*обращаясь к Любе*). Подойди ко мне, дитя мое.

ЛЮБА. Ваше Высокопреосвященство, наверное, занят. Вы наверняка обдумываете какие-нибудь важные государственные дела... А тут я мешаюсь.

КАРДИНАЛ МАЗАРИНИ. Ничего, пока герцогиня пишет, я могу немного отдохнуть. Скажи мне, милое дитя, почему ты так поддерживаешь герцогиню?

ЛЮБА. Она несчастная.

КАРДИНАЛ МАЗАРИНИ. Какая же она несчастная?! Вряд ли во всей Франции найдется с десятков женщин сравнимых с ней по знатности, богатству, красоте и уму.

ЛЮБА. Ее никто не любит. А зачем всё на свете, если тебя никто не любит.

КАРДИНАЛ МАЗАРИНИ. Удивительно слышать такие мудрые слова от столь юной особы. Воистину уста младенца глаголят истину.

ГЕРЦОГИНЯ МОНПАНСЬЕ (*заканчивая писать, вставая из-за стола и протягивая кардиналу Мазарини бумагу*). Вот вам мое обязательство.

КАРДИНАЛ МАЗАРИНИ (*быстро пробегая бумагу глазами*). Что ж, прекрасно, сударыня, вы меня не разочаровали. И последнее условие: вы должны покинуть Париж и не появляться при дворе впредь до повеления Его Величества.

ГЕРЦОГИНЯ МОНПАНСЬЕ. Увы, придется подчиниться.

КАРДИНАЛ МАЗАРИНИ. И мой вам совет: впредь занимайтесь делами по женской части, а не по мужской.

ГЕРЦОГИНЯ МОНПАНСЬЕ. Обещаю вам.

КАРДИНАЛ МАЗАРИНИ (*потряхивая листом бумаги с написанным на ней герцогиней текстом*). Эта бумага будет страховать меня на случай, если вы не выполните свое обещание.

ГЕРЦОГИНЯ МОНПАНСЬЕ. Прощайте, Ваше Высокопреосвященство.

КАРДИНАЛ МАЗАРИНИ. Прощайте, герцогиня.

ГЕРЦОГИНЯ МОНПАНСЬЕ (*обнимая Любу и целуя ее в голову*). Милая моя заступница, мой тебе совет: постарайся получить то, что любишь — иначе придется полюбить то, что получила. И запомни: нет лучшего учителя, чем несчастье. Прощай.

ЛЮБА. Куда же вы теперь?

ГЕРЦОГИНЯ МОНПАНСЬЕ. Обрато в свой мир... (*Подходит к двери шкафа, открывает ее, оборачивается к Любе.*) Пускай хотя бы твоя жизнь будет счастливой. И вправду — куда же я теперь?.. (*Исчезает за дверью шкафа.*)

ЛЮБА. Не буду вам больше мешать заниматься государственными делами. Тем более, что я в них ни черта не понимаю. (*Идет к правой двери.*)

КАРДИНАЛ МАЗАРИНИ. Весьма разумно с твоей стороны, дитя мое.

Люба уходит в правую дверь.

Итак, нам удалось нейтрализовать еще одного врага. И какого врага! Я всегда говорил: нет противника опаснее женщины. Что ж, теперь с божьей помощью приступим к другим делам. (*Подходит к шкафу.*)

Д'АРТАНЬЯН. Отправляйтесь первыми, Ваше Высокопреосвященство, а я немного задержусь и присоединюсь к вам позже.

КАРДИНАЛ МАЗАРИНИ. Опять амурные дела?

Д'АРТАНЬЯН. Нет, мне сейчас не до них. Есть дела и поважнее.

КАРДИНАЛ МАЗАРИНИ. Что ж, будь по-вашему. Берегите себя: вы очень нужны мне, Франции и короне.

Д'АРТАНЬЯН. Обещаю быть трижды осторожным.

КАРДИНАЛ МАЗАРИНИ. До встречи. *(Открывает дверцу шкафа.)*

Д'АРТАНЬЯН. До скорой встречи, Ваше Высокопреосвященство.

КАРДИНАЛ МАЗАРИНИ. Очень на это надеюсь. *(Скрывается в шкафу.)*

Д'АРТАНЬЯН. Можете быть в этом совершенно уверены. *(Закрывает дверцу шкафа за кардиналом Мазарини.)*

В правую дверь входит Дима.

Что ж, дела идут вполне удачно!

ДИМА. Чего я не могу сказать о себе...

Д'АРТАНЬЯН. А, это ты, мой юный друг. У тебя, я вижу, что-то случилось? Ты выглядишь мрачнее тучи.

ДИМА. Есть из-за чего.

Д'АРТАНЬЯН. Понимаю, понимаю, стрелы Амура всё время пролетают мимо сердца твоей дамы. И кто же она?

ДИМА. Люба. Она — совершенно необъяснимая. Ты думаешь, что она — одно, а оказывается, что она — это совсем другое. Она сумасшедшая, смешная, честная и до того непредсказуемая, что ты не знаешь, какой она будет в следующую секунду. И в этом весь прикол. Я жизнь бы за нее отдал, но...

Д'АРТАНЬЯН. Но что?

ДИМА. Да она наверняка будет заставлять меня мыть посуду...

Д'АРТАНЬЯН. И ты наверняка согласишься.

ДИМА. Точно. А как вы догадались?

Д'АРТАНЬЯН. Да уж догадался. Мой тебе совет: если ты хочешь, чтобы она ценила тебя больше, заставь ее поменьше ценить свою собственную особу.

ДИМА. Как это?

Д'АРТАНЬЯН. На твоём месте я бы, прежде всего, написал какой-нибудь язвительный памфлет и подбросил ей, а можно устроить пышный бал и пригласить на него всех красавиц в округе кроме нее.

ДИМА. У нас не дают балов и не пишут памфлетов.

Д'АРТАНЬЯН. Странно, очень странно! Тогда давай я научу тебя, как подойти к этому делу правильно, с политесом.

ДИМА. Научите!

Д'АРТАНЬЯН. Изволь. *(Прикладывает руку к сердцу.)* Вот так, приложив руку к сердцу, следует произнести что-то вроде... Милостивый, благостный Боже, внемли мольбе моей, дабы мне не исцелиться от своего недуга — от моей пылкой любви к вам, мадемуазель!

ДИМА. Да так теперь и не говорят.

Д'АРТАНЬЯН. А как у вас говорят?

ДИМА. Ну, типа, привет, как дела, то, сё.

Д'АРТАНЬЯН. Ничего не понял из твоих слов, но видно эти ваши нынешние политесы ни черта вам не помогают.

ДИМА. Так и есть.

Д'АРТАНЬЯН. Хорошо, тогда сделаем вот что. Я оскорблю ее. Так, самую малость. Ты возмутишься, состоится поединок, ты меня победишь и тем самым завоюешь ее сердце.

ДИМА. Как, вы согласны проиграть мне поединок? А как же честь мушкетера, как же ваша репутация?

Д'АРТАНЬЯН. Никто в нашем времени об этом не узнает. А в вашем... на ваше время я махнул рукой. Ну что это за время! Так, пустое место. Ни героев, ни подвигов ради дам или отечества. В общем, скука.

ДИМА. Еще какая скука!

Д'АРТАНЬЯН. Ну, так давай же развлечемся не без пользы для вас обоих.

ДИМА. Вы думаете, у нас получится?

Д'АРТАНЬЯН. Какой ты странный! Если я на что дерзаю, значит, берусь это исполнить.

ЛЮБА (*входя в комнату через правую дверь*). А, вот вы где.

Д'АРТАНЬЯН (*Диме*). Удались и слушай за дверью. Как только почувствуешь, что пора — входи и вызывай меня на дуэль. (*Толкает Диму к правой двери из комнаты.*) Иди, иди.

Дима выходит из комнаты, прикрыв за собой дверь. Д'Артаньян прохаживается с веселым видом, насвистывает веселую мелодию.

ЛЮБА. Рада видеть вас, сударь, в хорошем настроении.

Д'АРТАНЬЯН. Когда я вижу вас, милая Люба, у меня всегда хорошее настроение.

ЛЮБА. Вот как?

Д'АРТАНЬЯН. Да! В вашем присутствии я просто теряю голову... И мне сразу хочется петь, танцевать, в общем, я сразу делаюсь веселым.

ЛЮБА. Так вы танцуете?

Д'АРТАНЬЯН. Но только не придворные танцы. Сплошное жеманство и напускная грациозность. Я человек простого нрава и люблю все простое.

ЛЮБА. Какие же танцы вы любите?

Д'АРТАНЬЯН. Ну, хотя бы бранли.

ЛЮБА. Покажете, как это танцуют?

Д'АРТАНЬЯН. Охотно. (*Показывает несколько па, напевая.*) Ля-ля-ля-ля-ля-ля-ля... ля-ля-ля-ля-ля-ля-ля-ля-ля

ЛЮБА (*пытаясь поймать такт и подпевая Д'Артаньяну*). Ля-ля-ля-ля-ля-ля-ля... ля-ля-ля-ля-ля-ля-ля-ля

Д'АРТАНЬЯН. Давайте, давайте, мадемуазель! У вас отлично получается.

Д'Артаньян и Люба танцуют вдвоем, сначала не очень слаженно, но потом все более уверенно, попеременно напевая песенку, как бы сочиняя слова на ходу.

Д'АРТАНЬЯН. Трудно кролика поймать,
Если он зарылся в норку!

ЛЮБА. Трудно звездочку достать,
Если улетит за горку!

Д'АРТАНЬЯН. Трудно милую простить,
Если милая обманет!

ЛЮБА. Трудно даму угостить,
Если денег нет в кармане!

Д'АРТАНЬЯН. Трудно целый день не пить,

Если видишь сто бутылок!

ЛЮБА. Трудно черта ухватить,

Если держишь ты обмылок!

Д'АРТАНЬЯН. Не печалься, ангел мой,

Мы навеки вместе будем!

ЛЮБА. Потанцуем же с тобой

А все трудное забудем!

Д'Артаньян и Люба заканчивают танцевать.

ЛЮБА. Вы прекрасный танцор, господин Д'Артаньян!

Д'АРТАНЬЯН. А ты, прелестная дева, самое прекрасное из всего, что создал Господь со времен рая!

В комнату через правую дверь врывается Дима.

Как насчёт того, чтобы вкусить неземного блаженства? *(Подмигивает Диме.)*

ДИМА. А не кажется ли вам, сударь, что вы слишком далеко зашли в ваших любовностях?

Д'АРТАНЬЯН *(нарочито гневным голосом).* Несчастный, ты оскорбил самого Д'Артаньяна! За это мне придется тебя убить! Никогда еще я не видывал такого каналью, как ты! *(Выхватывает шпагу.)* Защищайся!

ДИМА. К сожалению, я не смогу этого сделать.

Д'АРТАНЬЯН. Это еще почему?!

ДИМА. Да потому что у меня нет никакого оружия. *(Иронично-насмешливым голосом.)* Неужели господин мушкетер, известный всем своей отвагой, будет нападать на безоружного человека?

Д'АРТАНЬЯН *(пребывает несколько мгновений в растерянности, но быстро находится).* Не радуйся, ангел бездны! Я дам тебе какую-нибудь шпагу из тех, что захватил у этих негодяев, которые постыдно сбежали назад в наше время. *(Подходит к шкафу, открывает дверцу и вытаскивает шпагу.)* Может, ты ищешь это, презренный? Держи! *(Кидает шпагу к ногам Димы.)*

ДИМА *(растерянно).* Ну и дела. *(Поднимает шпагу с пола, неуверенно держит ее в руке.)* Что же мне теперь делать-то, а?

Д'АРТАНЬЯН. Защищать честь своей дамы. А иначе я предложу этой юной мадемуазели занять половину моей кареты.

ДИМА. Конечно, я буду защищать ее честь, ведь она этого не хочет.

ЛЮБА. А кто сказал, что я этого не хочу?

ДИМА. Опа-на! Ну, я тогда не знаю... *(Кладет шпагу на пол.)*

Д'АРТАНЬЯН. Ты меня без шпаги убил!

ЛЮБА. Милый, милый Дартаньян! Украдите меня отсюда!

Д'АРТАНЬЯН. Зачем же?

ЛЮБА. Мне не нравится этот мир.

Д'АРТАНЬЯН. Тогда придумайте другой, который будет лучше.

ЛЮБА. Его уже придумали без меня.

Д'АРТАНЬЯН. И что же это за мир?

ЛЮБА. Интернет.

Д'АРТАНЬЯН. Интер... что?

ДИМА. Это всемирная компьютерная паутина.

Д'АРТАНЬЯН. Первое слово и последнее слово я понял, а вот то, что посередине... Комп... коп...

ЛЮБА. Можно просто интернет.

Д'АРТАНЬЯН. И ты его любишь, этот твой интер... нет?

ЛЮБА. Любить не люблю, но мне в нем нравится.

Д'АРТАНЬЯН. И чем же он тебя привлек?

ЛЮБА. Там люди красивее, чем в жизни, умнее, чем в жизни, смелее, чем в жизни.

Д'АРТАНЬЯН. Не понимаю, что тут может нравиться, если всё не настоящее.

ЛЮБА. Зато прикольно.

Д'АРТАНЬЯН. Еще одно слово, которое я решительно не понимаю. Впрочем, это не беда. Беда в том, что рушится такой превосходный план.

МАТЬ ЛЮБЫ И ГОГИ (*входя в комнату через правую дверь*). И какой же, позвольте вас спросить, план у вас рушится?

Д'АРТАНЬЯН. Да был один. Хотя... (*Его осеняет какая-то идея.*) ...он еще не окончательно рухнул! Мадам, если ваша дочь отвергает мои притязания, то...

ЛЮБА. Да ничего я не отвергаю!

Д'АРТАНЬЯН. Чадо моё, преисполнись смирения, ибо через упрямство приходит к нам погибель. Прими волю Всевышнего, какой бы она ни была. Аминь.

ЛЮБА. Чего он такое говорит?

ДИМА. Да он просто от тебя отказывается.

ЛЮБА. Как это отказывается?

ДИМА. Да так. Кидает и все.

ЛЮБА. Господин Д'Артаньян, как вы можете быть таким жестоким?

МАТЬ ЛЮБЫ И ГОГИ. Неужели ты не боишься, милая, так свободно разговаривать с этим человеком? Он может Бог знает что вообразить!

ЛЮБА. Что ты, мама! Ты его не знаешь. Он никогда себе этого не позволит. И вообще, у него живой ум, превосходный вкус, и быть с ним — настоящее удовольствие! Что касается его души и характера, то я бы назвала их просто чудесными.

Во время рассказа Любы Д'Артаньян все более и более приободряется, гордо смотрит по сторонам.

МАТЬ ЛЮБЫ И ГОГИ. Да, похоже, что ты права.

Д'АРТАНЬЯН. И еще как права! Правда, приходится признаться, что я, к сожалению для вас, мадемуазель, воспылил страстью к другой. Что, разумеется, не лишает меня всех тех замечательных качеств, о которых вы только что говорили.

ЛЮБА. Ничего себе! И когда это вы успели воспылать?

Д'АРТАНЬЯН. Прямо сейчас.

ЛЮБА. И кто это другая, интересно знать?

Д'АРТАНЬЯН (*указывает на мать Любы*). Вот отныне дама моего сердца.

ЛЮБА (*от досады хлопает ладонью себя по колену*). Ну, ни фиги себе заявочки!

Д'АРТАНЬЯН. Ничего не поделаешь. Конечно, ваша мать уже не молодой виноград...

МАТЬ ЛЮБЫ И ГОГИ. Увы.

Д'АРТАНЬЯН. Но еще и не изюм.

ДИМА. Во как!

Д'АРТАНЬЯН (*обращаясь к матери Любы и Гоги*). Вы лучшая женщина из всех, кого я встречал.

МАТЬ ЛЮБЫ И ГОГИ. Считаю своим долгом предупредить, господин бравый мушкетер, что не стоит меня смешивать с другими женщинами.

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ (*входя в комнату через правую дверь*). Так, что у нас новенького?

МАТЬ ЛЮБЫ И ГОГИ. Да у нас всё новенькое. Вот, господин Д'Артаньян только что признался мне в любви.

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ. Вот как? Это правда?

Д'АРТАНЬЯН. Истинная правда!

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ (*взволнованно*). Я, я... я не оставлю это безнаказанным!

Д'АРТАНЬЯН. Слава Богу, нашелся хоть один храбрец, кто, наконец, реализует мой план.

МАТЬ ЛЮБЫ И ГОГИ (*обращаясь к отцу Любы и Гоги*). А я и не знала, что ты у меня храбрец.

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ. Ты еще многое обо мне не знаешь. Сейчас увидишь, на что способен твой муж. (*Поднимает шпагу, крутит ее в разные стороны.*) Интересно, а как ей дерутся?

Д'АРТАНЬЯН. И этот такой же!

ДИМА. Ага, еще один великий фехтовальщик.

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ. Соблаговолите защищаться, сударь! (*Неумело размахивает шпагой.*)

Д'АРТАНЬЯН. Да уж, при таком вашем мастерстве мне это более чем затруднительно сделать. (*Наставляет на отца Любы шпагу.*) Прощайте, вы лучший из всех, кого мне довелось убить.

МАТЬ ЛЮБЫ И ГОГИ (*пытаясь загородить собой мужа*). Лучше убейте меня!

ЛЮБА (*бросаясь с кулаками на Д'Артаньяна*). Не смейте обижать моих родителей!

Д'АРТАНЬЯН (*Диме*). Мой юный друг, давай, спасай даму своего сердца, а то наш план окончательно рухнет.

ДИМА. Ааа, понял...

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ (*роняя шпагу*). О, черт!

Д'АРТАНЬЯН. Наоборот, слава богу! (*Поднимает шпагу и забирая ее себе.*) Ну, что на это скажете, смельчаки!

ЛЮБА. А то, что это нас не остановит!

ДИМА (*оттаскивая Любу*). Да подожди ты!

ЛЮБА. Ты чего, очумел?! Чего мне ждать — пока из моих родителей сделают решето?!

ДИМА. Говорю тебе — подожди, значит подожди!

ЛЮБА (*с иронией в голосе*). Ага, он говорит!

Д'АРТАНЬЯН. И правильно говорит. Слушайся его.

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ. Легко рассуждать и командовать, когда у вас две шпаги в руках, а у противника ни одной.

Д'АРТАНЬЯН (*обращается к отцу Любы и Гоги*). Тогда вот вам шпага, сударь. Но осмелюсь попросить вас быть осторожнее, иначе вы кого-нибудь ненароком пораните. (*Отдает шпагу отцу Любы и Гоги.*)

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ (*неловко машет шпагой*). Надеюсь, что это будете вы, сударь.

МАТЬ ЛЮБЫ И ГОГИ. Смотри и вправду никого не порань!

Д'АРТАНЬЯН. Пока это не случилось, прекратите махать шпагой хотя бы на время.

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ. Не проблема. (*Перестает махать шпагой.*)

Д'АРТАНЬЯН. Поскольку ничего страшного не произошло, предлагаю примирение.

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ. Я не возражаю.

Д'АРТАНЬЯН. Ну, и отлично!

ГОГА (*входя в комнату через правую дверь*). Ого, все тут и все еще живы.

Д'АРТАНЬЯН. По счастью да. (*Обращается к отцу Любы и Гоги.*) Сударь, давайте уйдем отсюда, и послушайте, что я хочу вам открыть как храброму и мудрому человеку...

МАТЬ ЛЮБЫ И ГОГИ. Про мудрость я бы еще согласилась, а вот про храбрость я бы поспорила.

Д'АРТАНЬЯН. Ваш супруг, мадам, бесспорно храбрый человек — он осмелился на поединок со мной, не умея держать шпаги в руках. Разве это не храбрость? (*Обращается к отцу Любы и Гоги.*) Сударь, где мы можем обсудить последнее важное дело, которое мне нужно сделать пред тем, как покинуть ваш гостеприимный дом?

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ. Пожалуйста сюда. (*Показывает на левую дверь.*)

Отец Любы и Гоги и Д'Артаньян уходят в левую дверь.

ЛЮБА. Mam, как ты думаешь — а, может, Д'Артаньян, все-таки, останется тут, с нами?

ГОГА. А чего нет? Телек есть, смартфон есть, айфон есть, всего завались. А там у них, ничего этого нет, скукатища же!

МАТЬ ЛЮБЫ И ГОГИ. Не знаю, не знаю. Мое сердце подсказывает, что он вернется к себе.

ЛЮБА. Почему ты так думаешь?

МАТЬ ЛЮБЫ И ГОГИ. Ну... Есть такие мужчины, как наш папа, для которого покой и благополучие семьи — главное. А есть такие, как Дартаньян. Мужчины-охотники, которые выходят один на один против дикого зверя...

ДИМА. Типа хватают голыми руками быка за рога...

МАТЬ ЛЮБЫ И ГОГИ. Ну, да, что-то в этом роде. Никто из них не лучше и не хуже другого. Каждый из них хорош по-своему. Просто они разные.

В комнату возвращаются Д'Артаньян и отец Любы и Гоги.

МАТЬ ЛЮБЫ И ГОГИ. О чем вы там говорили без нас?

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ (*вопросительно глядя на Д'Артаньяна*). Можно им сказать?

Д'АРТАНЬЯН. Придется, ведь без всей этой вашей премудрой механики я не смогу выполнить свою миссию.

ЛЮБА. Какую миссию?

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ. Необходимо узнать судьбу Франции, короля и кардинала после 1652 года.

Д'АРТАНЬЯН. И как можно быстрее. У меня осталось совсем мало времени.

ДИМА. Так это пара пустяков! Заглянем в Гугл и все узнаем.

Д'АРТАНЬЯН. Ну, так смотри же в свой... как это...

ДИМА. Гугл. Я мигом. *(Включает компьютер.)* Сейчас загрузится, и всё будет зашибись.

Все собираются у компьютера.

Д'АРТАНЬЯН. Ну и чудная же у вас механика!

ДИМА. Еще какая чудная. Во, есть! Тааак, тааак...

Д'АРТАНЬЯН. Ну, что, что там?! Не тяни!

ДИМА. Вы всех победите, король будет жить и здравствовать. Дольше всех королей в мире!

Д'АРТАНЬЯН. Слава небесам! И да здравствует король!

ДИМА. Кардинал Мазарини тоже проживет ого сколько! И будет самым влиятельным и богатым человеком во Франции. А вы проживете...

Д'АРТАНЬЯН. Нет, нет ни слова больше! Я не хочу знать времени своей кончины... впрочем, одно меня интересует — я умру как воин или как простой смертный?

ДИМА *(глядя в монитор).* О, вы погибнете на поле брани геройской смертью!

Д'АРТАНЬЯН. Отлично! Превосходно! О другом я и не мечтаю!

ЛЮБА. Повезло же вам родиться в такое интересное время!

Д'АРТАНЬЯН. И вам тоже повезло, мои юные друзья.

ГОГА. Потому что у нас столько всякой прикольной техники?

Д'АРТАНЬЯН. Нет, потому что вы молоды. А у юности есть выбор из тысячи путей. С возрастом число путей уменьшается до тех пор, пока остается один главный путь.

ДИМА. И какой же это путь?

Д'АРТАНЬЯН. Служить отечеству. Вот что я вам скажу: мужчину портят лишние удобства. Он становится слишком сытым, слишком ленивым. Вот и я от пребывания в вашей гостеприимной и безопасной обители... эээ...

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ. Слегка расслабились.

Д'АРТАНЬЯН. Вот именно! Впрочем, признаюсь: мне было очень хорошо с вами, друзья.

ЛЮБА. Тогда оставайтесь здесь.

Д'АРТАНЬЯН. Не могу: мое место там, где нет удобств, нет защищенности, нет дороги! Мое место там, где полно опасностей и подвигов! Помните: пояс нужен, чтобы не потерять панталоны, а шпага — чтобы не потерять честь. Вот что я вам скажу: да, нам дается имя при рождении. И у всех оно разное. И от нас с вами оно не зависит. Одно в наших руках: возможность или возвысить свое имя или опозорить его. *(Обращается к родителям Любы и Гоги.)* Что ж, почтенные хозяева, спасибо вам за всё. Мадам, вы замечательная женщина.

ЛЮБА. И хорошая мать.

ГОГА. Ворчит только часто.

Д'АРТАНЬЯН. Моя мать тоже самое делала. Признаться, я счел бы за честь стать вашим мужем, если бы вы были свободной. Хорошая женщина — это великолепный подарок для мужчины. И хорошо, что вы встретились хозяину этого дома. Он достойный муж своей жене.

ЛЮБА. И отличный папа, между прочим.

Д'АРТАНЬЯН. Пусть вам всем сопутствует удача. *(Подмигивает Диме.)* И тебе, мой юный друг, тоже.

ДИМА. Может, оставите нам на память что-нибудь? А то ведь никто не поверит, что все это произошло на самом деле.

Д'АРТАНЬЯН. Не могу. Таково правило путешественников во времени. А теперь давайте прощаться, мне пора. *(Обнимается поочередно со всеми, направляется к шкафу, открывает дверцу, оборачивается.)* Прощайте, друзья!

ЛЮБА. Господин Дартаньян, а вдруг вас там ждут враги?

Д'АРТАНЬЯН. Превосходно! И чем больше их там будет, тем более славной будет моя победа над ними! Прощайте!

КАЖДЫЙ ИЗ ОСТАВШИХСЯ В ОТДЕЛЬНОСТИ. Прощайте!

Д'АРТАНЬЯН. Прощайте! Да здравствует король! Да здравствует кардинал! Да здравствует честь и отечество! *(Заходит в шкаф, закрывает за собой дверь шкафа.)*

МАТЬ ЛЮБЫ И ГОГИ. Ну, что, пойдёмте за праздничный стол. Все-таки надо как следует поздравить именинницу.

ГОГА. Тем более, что маманя такой тортик забабахала!

ЛЮБА *(сидя за стол с компьютером).* Я через минутку.

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ. Давай не очень долго, ладно?

ЛЮБА. Ладно, посмотрю кое-что и к вам.

МАТЬ ЛЮБЫ И ГОГИ. Мы тебя ждем.

ЛЮБА. Идите, я по-быстрому.

Все кроме Любы покидают комнату через правую дверь.

Свет постепенно гаснет до полного затемнения сцены.

Вскоре после полного затемнения сцены свет снова зажигается.

Все та же комната. У стола с компьютером сидит Люба, положив руки на стол, а голову на руки. Она спит.

В правую дверь входит мать Любы и Гоги.

МАТЬ ЛЮБЫ И ГОГИ. Опять всю ночь просидела за компьютером. *(Будит дочь, тормошит ее за плечо.)* Эй, просыпайся! Просыпайся, тебе говорят!

ЛЮБА *(с трудом просыпаясь, потягиваясь и зевая).* Ну что вы за люди такие — поспать человеку не даете!

МАТЬ ЛЮБЫ И ГОГИ. С днем рождения, соня-полуночица! *(Целует Любу.)*

ЛЮБА. Спасибки. Эх, такой сон спугнули! И надо же будить человека в такую рань.

МАТЬ ЛЮБЫ И ГОГИ. Ничего себе рань! Ты на часы лучше посмотри. Как сказал Лермонтов «Уж полдень. Измаил слабеет. Пылает солнце высоко...»

ЛЮБА. И слон никак не похудеет, и просыпаться не легко... *(Встает, потягивается и зевает.)*

МАТЬ ЛЮБЫ И ГОГИ. Ты бы переделась, что ли. Скоро гости придут.

ЛЮБА. Гости? Какие гости?

ГОГА (*входя в комнату через левую дверь*). Ты, че, сеструха, забыла, что у тебя сегодня день рождения?

ЛЮБА. Ничего я не забыла. Ладно, надо посмотреть, что там путного в шкафу. (*Подходит к шкафу, открывает его.*) Ой, что это?!

ГОГА. Наверное, это батяня, он же обещал какой-то сюрприз.

МАТЬ ЛЮБЫ И ГОГИ. Ладно, вы тут разбирайтесь со своими сюрпризами, а мне пора готовить праздничный обед. (*Уходит в правую дверь.*)

ЛЮБА (*вытаскивая из шкафа старинную шапку*). Ничего не понимаю! Так, выходит, всё это было правдой...

ГОГА. Чего было правдой?

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ (*входя в комнату через правую дверь*). Поздравляю именинницу! Ну и как тебе мой подарок? Ты же хотела что-нибудь этакое, прикольное. Вот я и подумал...

ЛЮБА. Так значит, это был всего лишь сон?.. (*Бросается к отцу, обнимает его.*) Папуля, мне страшно!

ГОГА. Ты чего?! Кто тебя обидит — тот дня не проживет.

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ. Доча, ты чего боишься?

ЛЮБА. Вдруг я не утерплю и посмотрю в Интернете, когда он умрет?

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ. Кто он?

ГОГА. Да, открой нам эту страшную тайну.

ЛЮБА Д'Артаньян.

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ. Д'Артаньян? Я думаю, он никогда не умрет. А если и умрет, то только тогда, когда кончится человеческая память. Потому что мушкетер Д'Артаньян — это гораздо больше, чем просто исторический или литературный герой. А ты как думаешь?

ЛЮБА. Ты прав сто пудов!

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ. Так, с прошлым мы разобрались. Осталось разобраться с будущим.

ЛЮБА. С будущим?

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ. Ну, да. Вы, наши дети, и есть наше послание в будущее. Так неужели мы, взрослые, ничего не скажем будущим поколениям кроме «Иди, делай уроки!», «Вымой уши!» или «Пора спать!»? Неужели нам больше не о чем с вами говорить?

ЛЮБА. Есть, есть, конечно, мне есть о чем с тобой поговорить!

ГОГА. И мне тоже!

МАТЬ ЛЮБЫ И ГОГИ (*входя в комнату через правую дверь*). А со мной, конечно, не о чем разговаривать. Ну, как же, я же просто домашняя прислуга и всё.

ЛЮБА (*подбегая к матери и обнимая ее*). Mamochka, да ты что! Совсем недавно мне казалось, что ты зануда каких мало. А теперь я знаю — ты замечательная, просто замечательная: храбрая, добрая, умная, милая. Единственный твой недостаток — это старомодность, но мы с Гогой тебя от него избавим.

ГОГА. В пять минут.

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ. Ну, что, дружная семья, давайте-ка выберем для нас какой-нибудь девиз.

ЛЮБА. Предлагаю такой: одна фамилия, один холодильник, одна ванная с утра!

ГОГА. А еще лучше: землю — крестьянам, фабрики — рабочим, пульт от телевизора — мне.

ЛЮБА. Почему это тебе?

ГОГА. Ну, или тому, кто им первым завладеет.

МАТЬ ЛЮБЫ И ГОГИ. Я предлагаю — кто последний ест, тот и моет посуду.

ГОГА. Ага, и сковородку тоже!

ОТЕЦ ЛЮБЫ И ГОГИ. А по мне лучше — один за всех...

ВСЕ ЧЕТВЕРО ВМЕСТЕ. И все за одного! *(Поворачиваются к залу, хором.)*

Когда невзгоды бьют под дых
И дождь стучит в стекло,
Ты позови своих родных —
И станет вмиг светло!

Появляются герои пьесы, подхватывая общую тему.

Когда темно в душе твоей
И тяжелей всего,
Ты собери своих друзей —
И станет вмиг светло!

Когда один, когда устал,
На сердце тяжело,
Ты вспомни — был же Д'Артаньян —
И станет вмиг светло!

Придут удача и успех
Не избежать того —
Коль каждый день один за всех,
И все за одного!

Конец.